

И. С. ДУИЧЕВ

Одно неясное место в древнерусском переводе Иосифа Флавия*

Издание древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия,¹ несомненно, является вкладом не только в области древнерусской литературы, но и вообще старославянской и мировой. Множество вопросов, связанных с установлением авторства, первоначальной редакции и более поздних переводов и переработок, все еще ждут своего разрешения и занимают очень широкий круг исследователей, так как «История Иудейской войны», можно сказать без преувеличения, одно из самых замечательных творений литературы. В научной литературе уже давно отмечено огромное значение древнерусского перевода этого сочинения, однако самый перевод оставался, к сожалению, более или менее недоступным и поэтому лишь частично использован в переводах на западноевропейские языки. Полное критическое издание древнерусского перевода создает теперь условия для дальнейшего более плодотворного изучения ряда вопросов, связанных с этим литературным памятником. Ученые разных специальностей благодарны советскому исследователю, опубликовавшему текст, представляющий редкий интерес для изучения древнехристианской, иудейской и византийской литературы, а также литератур некоторых других народов эпохи средневековья. Сопоставление древнерусского перевода с другими текстами поможет разрешить многие спорные вопросы, разгадать большое число неясных мест в других версиях и в самом переводе. Такого рода неясных мест достаточно много, и полное их объяснение является необходимым условием удовлетворительного изучения памятника и всех связанных с ним вопросов.

В одном из спорных отрывков рассказывается о жизни Иоанна Предтечи. В древнерусском переводе написано,² что Иоанн рассказывал о самом себе: «Человекъ есмь. Иде же мя въведѣ духъ божии, кормяся тростным кореннем и щепками и деревяным и». Несколько далее в тексте «Иудейской войны» о Крестителе сказано:³ «И на потребу ему быша деревянные щеполыкы, и акриды и медь дивнии»; в последнем месте в списках древнерусского перевода имеются разночтения: щепки, щыпки, щепалькы. Это место давно привлекало внимание исследователей, так как толкование его кажется довольно трудным. Еще более полувека тому на-

---

* Перевод с болгарского А. И. Хватова. (Ред.).

¹ Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958; кроме того, см.: Н. А. Мещерский. Значение древнеславянских переводов для восстановления их архетипов. М. 1958.

² Н. А. Мещерский. История..., II, 7, 2, стр. 250, 25—26.

³ Там же, II, 9, 1, стр. 258, 16—17.

зад один из первых заслуженных исследователей⁴ древнерусского текста передал его по-немецки следующим образом: «Rein bin ich, als welchen mich eingeführt hat Gottes Geist, und mich nährend von Rohi und Wurzeln und Holzspänen». Далее автор⁵ вновь утверждает, что Иоанн Креститель питался Holzspäne; этим словом он буквально передает древнерусское «древянные щеполькы». Смысл текста, по-видимому, смутил внимательного исследователя, и он предусмотрительно ставит вопрос — не допустил ли переводчик в данном случае какой-нибудь ошибки.⁶ Не осмеливаясь окончательно решить, точен ли перевод или здесь имеется какая-то ошибка, А. Берендс тем не менее подчеркивает, что в этом месте славянского перевода содержится сообщение, противоречащее всем другим сведениям относительно жизни Иоанна Предтечи.⁷ Такое объяснение текста повторено и в немецком переводе первых четырех книг «Истории Иудейской войны».⁸ Во французском переводе П. Паскаля, приложенном к изданию В. М. Истрина,⁹ слова «щепкы деревянные» дословно переведены: «soreaux de bois». На это место в тексте древнерусского перевода обратил внимание автор замечательного исследования о сочинениях Иосифа Флавия Р. Эйслер,¹⁰ который стремился истолковать чтение перевода в пользу своей теории о первоначальных редакциях «Истории Иудейской войны». Заслуга Эйслера состоит в том, что он пытался восстановить возможный греческий протограф или по крайней мере найти греческий текст, соответствующий этому месту перевода, и таким образом понять точный смысл спорного отрывка в древнерусском переводе. Так, толкуя соответствующее место в одном старом румынском переводе,¹¹ автор дает к румынскому тексту *tiugur de sorasi* греческое соответствие — *ἀκρόβρυα* и добавляет, что в русском переводе ему соответствует «hölzernen Spänen».¹² Объясняя далее это место в немецком переводе Берендса-Граса — «Baumknospen» — Эйслер¹³ высказывает сомнение в точности такого прочтения, так как это кажется ему фактически невозможным. Упомянутый ученый в то же время ясно подчеркивает, что буквальное объяснение текста древнерусского перевода, будто Иоанн Предтеча питался «щепкы деревянные» или по-немецки «Holzspäne», представляется ему «чем-то очевидно фактически невозможным» («eine offenkundige sachliche Unmöglichkeit».)¹⁴ Сопоставляя это сооб-

⁴ A. Berendts. Die Zeugnisse vom Christentum im slavischen «De bello judaico» des Josephus. Leipzig, 1906, стр. 31.

⁵ Там же, стр. 37—38, ср. стр. 8.

⁶ Там же, стр. 38: «Als die Nahrung des Johannes bildend werden wieder Holzspäne bezeichnet-wenn es sich nicht um ein Versehen des Übersetzers handelt».

⁷ Там же.

⁸ Flavius Josephus vom Jüdischen Kriege. Buch I—IV. Nach der slavischen Übersetzung deutsch herausgegeben und mit dem griechischen Text verglichen von A. Berendts u. K. Grass. Dorpat (Tartu), 1926 [=Acta et commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis). B. Humaniora, IX (1926)], стр. 249; стр. 266: «hölzerne Späne».

⁹ La Prise de Jérusalem de Joseph le Juif. Texte vieux-russe publié intégralement par V. Istrin. Imprimé sous la direction de A. Vaillant, traduit en français par P. Pascal. I. Paris, 1934, стр. 134, 31—135; стр. 148, 4—149; II, Paris, 1938, стр. 278 (Lexique).

¹⁰ R. Eisler. ИИСОУС ВАСИЛЕУС ОУ ВАСИЛЕУСАС. Die messianische Unabhängigkeitsbewegung vom Auftreten Johannes des Täuflers bis zum Untergang Jakobs des Gerechten nach der neuerschlossenen Eroberung von Jerusalem des Flavius Josephus und den christlichen Quellen. I—II. Heidelberg, 1929—1930. — Обобщение его взглядов по этому вопросу см. в статье: R. Eisler. Die slavische Übersetzung der «Αλωσις τής Ιερουσαλήμ» des Flavius Josephus. — Byzantinoslavica, II (1930), стр. 305—373.

¹¹ Подробно см.: R. Eisler. Die messianische Unabhängigkeitsbewegung..., I, стр. 231, прим. 5; стр. 430 и сл.

¹² Там же, стр. 439, прим. 8.

¹³ Там же, II, стр. 8—9, прим. 1; стр. 17, прим. 5; стр. 30, прим. 4.

¹⁴ Там же, стр. 31.

шение с другими данными о пище Предтечи, исследователь Иосифа Флавия предлагает в качестве возможного греческого перевода этого выражения известное греческое слово *ἀκρόδρυα*¹⁵ в смысле «овощи», «плоды» (Baumfrüchte). В мучительных поисках убедительного объяснения этого места Р. Эйслер осторожно предполагает возможность смешения понятий при использовании греческими переводчиками выражения протографа на еврейском языке. Но эти предположения, по-видимому, не убедили и его самого, ибо и он, в конце концов восприняв довольно остроумное внушение Л. Волеба,¹⁶ допускает, что в греческом тексте предполагаемое выражение (τροφῆ) καρπῶν ξυλίνων — «овощная пища», возможно, было изменено из-за ошибочного прочтения (τροφῆ) καρφῶν ξυλίνων, т. е. «питание древесными обломками», вследствие чего произошел и известный нелепый перевод в древнерусском тексте «Истории Иудейской войны». Как видно, исследователь Иосифа Флавия в некоторых деталях уже предугадал правильное решение, не будучи в силах, однако, полностью раскрыть все неясные места.

Спорное место древнерусского перевода привлекло также внимание и Н. А. Мещерского. Именно это объяснение Роберта Эйслера он приводит¹⁷ как пример того, насколько «чрезвычайно рискованны филологические конъектуры Эйслера, с помощью которых он пытается обосновать обратный перевод древнерусского текста на греческий». К объяснениям, даваемым Мещерским, надо еще добавить, что греческое слово *καρφος* означает не только «сено», как указывает он, но и «солома», «сухая палочка», «стебелек», «щепка». Мещерский же указывает лишь одно его значение. Именно в этом значении слово *καρφος* употреблено и в широко известном евангельском тексте («видит сучок в глазу брата своего»; см.: Матвей, VII, 3, 4, 5; Лука, VI, 41, 42). Не раскрыв полностью значения слова *καρφος*, Мещерский ставит излишний вопрос: «не ясно к тому же, почему вместо слова „сено“ могло оказаться в переводе слово „щепки“». Таким образом, ошибка Эйслера не так уж страшна, как указывают критические примечания Мещерского. Зато необыкновенно полезно замечание Н. А. Мещерского¹⁸ относительно значения слова «щеплыки» в древнерусском языке. Он считает, что «в действительности древнерусское слово „щепки“ или „щеплыки“... означает не щепки в современном значении этого слова, т. е. осколки дерева, а в соответствии с украинским — молодые древесные побеги». К удачным догадкам Н. А. Мещерского следует отнести и его указание на цитату¹⁹ из послания Ивана Грозного:²⁰ «Аще ли же где и любочестнейши напиташи хощещи, верши е дубное любочестне бывша и больше их сладость нежели в царских трапезах». Выражение «верши дубное» указано как объяснение к «щепки дрявяныя», которое стало уже непонятным. В комментарии к тексту Иосифа Флавия Мещерский еще раз подробно возвращается к толкованию этого спорного места. Он считает, что «по-видимому, слово „щепка“ могло означать молодой древесный побег... Древнерусский Хронограф

¹⁵ Там же, стр. 29.

¹⁶ L. Wohleb. *Philologische Wochenschrift*, 1926, стр. 1402.

¹⁷ Н. А. Мещерский. *История...*, стр. 11.

¹⁸ Там же, стр. 13.

¹⁹ Там же, стр. 157.

²⁰ Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Перевод и комментарии Я. С. Лурье. М.—Л., 1951, стр. 170. — По существу это место приведено Грозным как цитата из Василия Амасийского (об этом см.: Ив. Дуйчев. *Византия и византийская литература в посланиях Ивана Грозного.* — ТОДРА, XV. М.—Л., 1958, стр. 171 и прим. 77); сличение этих мест представляет довольно большую трудность, так как сочинения этого писателя не изданы.

1512 года, приведя указанное место перевода „Истории“, прибавляет глоссу: „сиречь вершие дубное“. Последнее соответствует греческому ἀκρόδρυα (верхние побеги дубов). По воззрению некоторых христианских писателей, Иоанн не мог питаться в пустыне саранчой (ἀκρίδες — «пружие» по старославянскому переводу), как об этом сказано в евангелиях (Матвея, 3, 4; Марка, 1, 6); согласно их представлениям, это нечистые животные, которыми человеку, тем более такому постнику, не подобает питаться. Поэтому ἀκρίδες истолковывались как ἀκρόδρυα... С этими воззрениями, несомненно, связано и упоминание переводчиком о „щепках деревянных“, т. е. молодых древесных побегах, как пище Крестителя.²¹ Как видно, объяснение этого места хотя и имеет большое значение для разрешения вопроса о первоначальной редакции текста «Истории Иудейской войны», в частности о использовании славянским переводчиком прототекста, остается все-таки нерешенным, по крайней мере по мнению издателя.

В сущности, загадка этого места очень давно исчерпывающе и правильно разгадана в одном интересном и важном исследовании бельгийского византолога Анри Грегуара.²² Изучая вопрос о пище, которую употреблял Иоанн Предтеча, автор приводит одно сообщение ранневизантийского писателя Исидора Пелусийского;²³ согласно последнему, загадочные ἀκρίδες, которыми питался отшельник, не животные, а ἀκρεμίνας βοτάνων ἢ φυτῶν, т. е. «des extrémités d'herbes ou de plantes». На основе богатого материала Грегуар доказывает, что, в то время как словом ἀκρεμίνας обозначали приблизительно то, что по-русски называется «побеги» («extrémités, sommités de plantes ou d'herbes»), иными словами — концы, отростки растений и трав, слово ἀκρόδρυα означало все плоды с твердой скорлупой (например, орехи грецкие, орехи лесные, миндаль и т. д.) и вообще плоды диких деревьев и растений; здесь имеются интересные параллели не только в греческом языке, но и в некоторых других европейских языках (например, немецкое Johannisbrotfrüchte, Johannisbeeren — «смородина» и др.). К вполне убедительным указаниям источников, приведенным бельгийским ученым, столь ли необходимо прибавлять другие.²⁴ Слово ἀκρόδρυα, впрочем, восходит к классической древности, и неудивительно, что в византийскую эпоху его точное значение было забыто или затуманено, а поэтому его начали объяснять «этимологически», т. е. механически разлагать на составные элементы. Аналогичный случай произошел, например, с поздневизантийским писателем Никифором Калистом Ксантопулом (около 1256—около 1317), который сообщает об Иоанне Крестителе, будто тот питался ἄκρα δρυῶν,²⁵ т. е. слово истолковано как ἄκρα δρυῶν «верхушки, концы деревьев». Если большой византийский писатель, каким был Никифор Калист Ксантопул, мог дать подобное объяснение, то тем более допустимо это для славянского писателя, знавшего преимущественно византийский язык, а не классический древнегреческий. Правильное объяснение спорного термина ἀκρόδρυα профессор Грегуар с полным основанием противопоставляет толкованию

²¹ Н. А. Мещерский. История..., стр. 492.

²² H. Grégoire. Les sauterelles de Saint Jean-Baptiste. Texte épigraphique d'une épître de S. Isidore de Péluse. — Byzantion, V (1929—1930), стр. 109—129, 111 и сл.

²³ Migne, P. G., CXXVIII, 269.

²⁴ Слово употреблено в Песни песней, IV, 13 и V, 1, переведено на славянский: «с плодом яблочным» и «плод овощей». См. объяснение слова: H. Stephanus. Thesaurus graecae linguae, I (Parisiis, 1851), 1317—1318, s. v. ἀκρόδρυα: quae in ambitu lignorum putamen habent, quod genus appellatione nusum apud Latinos continetur.

²⁵ Migne, P. G., CXLV, 676.

Роберта Эйслера, что славянское выражение «древянные щеполыки» могло произойти от неверно прочтенной, ошибочной генетивной формы выражения *καρπί ξυλίνοι*. Это объяснение Эйслера он считает полностью несостоятельным с палеографической точки зрения: «impossibilité paléographique absolue» — и вообще заявляет, что Эйслер объясняет спорное место столь же находчиво, сколь и неубедительно («d'une manière aussi ingénieuse qu'improbable»).²⁶ Согласно убедительному объяснению Грегуара, выражение «древянные щеполыки» в древнерусском переводе является лишь не совсем ясным переводом греческого *ἀκρόβρια* или *ἀκρίσματα*, и единственно в смысле плоды: или плоды с грубой оболочкой, или вообще дикие плоды. Итак, вопрос следует считать решенным.

К спорному месту древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» необходимо добавить одну важную параллель из средневековой болгарской литературы. Так, в похвале патриарху Евфимию Тырновскому Григорий Цамблак²⁷ сообщает о его молодости следующее: «высокое бо и истинное любомудрие²⁸ иночьское глаголя житие избрав, с Илиею и Иоанном пустыня въждеде и к той беше весь въперень и яже от нея приобрети похвалеаше. Та бо Илию враном питати ся пръвее устроивши, также и бога видети в тенце хладе исходатаи, и облаком обычное джда словом простити слоужение, Иоанна же, връшием дубным въспитавши, болша в рождении жень сведетельствовати ся управи. . .». Предложенный перевод этого места в смысле «Иоанн, напивавшись дубовыми верхушками»,²⁹ по-видимому, буквален и в то же время бессмыслен по существу, ибо, надо здесь повторить, никто не смог бы питаться «дубовыми верхушками». Как я недавно указывал,³⁰ в этом месте слова «връшие дубные» следует объяснить единственно в смысле плоды в скорлупе или вообще дикие плоды. Очевидно, что указанное место в сочинении древнеболгарского писателя является полной параллелью известному месту из Иосифа Флавия. Разумеется, трудно решить сразу, заимствовано ли это из его текста или у какого-нибудь другого византийского писателя. Существенно в данном случае то, что Григорий Цамблак знал Иосифа Флавия, о чем есть указание в той же похвале патриарху Евфимию Тырновскому. Несколько далее он указывает его имя и воздает ему хвалу:³¹ «Кто бо видель би, рьци ми, толико испытно прелязыкствованъ и тлъкованъ еврейскы языкъ на нашъ, и завет и пророкы, якоже ныне, мужем, ведетелемъ закона оскудевшимъ, ово убо уроком жития, ово же и частыми плененми и заваленми, усретшими языкъ инъ и паче же по кръсте (т. е. после начала нашей эры, или после Христа, — И. Д.), егда и конецъ прияша яже разорения и опустения и храму и жителству — разориши бо их, рече Давидъ, и не съзидеши ихъ,³² — якоже плакует иже тех беды по тънку списуя Иосипп? Аще убо онъ тако чудим и похвалеемъ есть, своего великомудриа въспоминание оставль, таже еллинъ сый мужъ и въне закона и пророкъ, не много ли и паче нашъ отьць (Евфимий Тырновский!) съпротяжущее ся летом стяжит

²⁶ H. Grégoire, Les sauterelles de Saint Jean-Baptiste, 123 и сл.

²⁷ E. Kałużniacki. Aus der panegyrischen Litteratur der Südslaven. Wien, 1901, 1901, стр. 30—31, гл. 2.

²⁸ Здесь любомудрие — *φιδοςφία* — в смысле монашеской жизни и поведения. Об этом значении термина см. подробно: F. Dölger, Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953, стр. 197—208.

²⁹ В. Сл. Киселков. Митрополит Григорий Цамблак. София, 1943, стр. 33—34.

³⁰ Ив. Дуйчев. Едно неясно място от Цамблаковата възхвала за Евтимий. — Български език, (1954), IV, 2, стр. 171, 172.

³¹ E. Kałużniacki. Aus der panegyrischen Litteratur der Südslaven, стр. 49, 29—43, 13.

³² Псалмы, XXVIII, 5.

благохваление, иже толику ревность от преумножения явлей и еретичьския сети своими словесы яко паучина ткаiania растръзавый? . . .». Упомянутый в этом тексте «язычник» Иосиф — несомненно Иосиф Флавий. Замечательно при этом, что Григорий Цамблак не только знал о нем и был знаком с его сочинениями, но и испытывал к нему особое чувство уважения, несмотря на то что тот был язычником. Возникает вопрос, на каком языке ознакомился Цамблак с сочинениями Иосифа Флавия: с греческими текстами или в славянском переводе? Известно, что Григорий Цамблак хорошо знал греческий язык и византийскую литературу. На всем его творчестве чувствуется неотразимое влияние Византии. Вообще Григорий Цамблак принадлежит к той группе южнославянских, в частности болгарских, писателей позднего средневековья, которые являются яркими выразителями сильного византийского влияния. Во время своих долгих странствий он мог познакомиться с сочинениями Иосифа Флавия на греческом языке. В таком случае упоминание о древнем писателе можно было бы истолковать лишь как доказательство его широкой популярности среди южнославянских писателей. Но не исключена, однако, возможность, что Григорий Цамблак познакомился с сочинениями Иосифа Флавия в славянском переводе. Как установлено,³³ Григорий Цамблак написал свою похвалу патриарху Евфимию Тырновскому во время пребывания в русских землях в начале XV в., быть может сразу после смерти патриарха или несколько позже. В таком случае именно пребывание в России позволило ему познакомиться с русским переводом «Истории Иудейской войны» и личностью Иосифа Флавия. Если мы таким образом объясним упоминание Цамблака об Иосифе Флавия, то можно сказать, что это одно из самых ранних свидетельств о древнерусском переводе «Истории Иудейской войны».

Не следует, однако, скрывать, что указание Григория Цамблака можно толковать и в другом смысле, а именно как признание существования какого-то южнославянского перевода сочинения Иосифа Флавия. Этот вопрос давно поставлен в научной литературе, но, на мой взгляд, не получил правильного и окончательного решения. Единственная известная южнославянская рукопись с текстом «Истории Иудейской войны», переписанная в 1585 г. монахом Григорием, названном в схеме Василием, долгое время считалась утерянной.³⁴ Как явствует из приписки к этой рукописи, сохранившейся в библиотеке Хилендарского монастыря под № 280,³⁵ текст ее является лишь сербским изводом русского перевода. Наличие этой рукописи дало основание для противоположных гипотез. Очевидно, смешивая переписчика этой рукописи монаха Григория-Василия с древнеболгарским писателем Григорием (X в.), архимандрит Леонид высказал предположение, что перевод Иосифа Флавия был сделан в Болгарии еще в X в.³⁶ Другие ученые, напротив, пришли к совершенно противополож-

³³ Об этом см.: П. А. Сырку. Время и жизнь патриарха Евфимия Тырновского. СПб., 1898, XII сл.; А. И. Яцимирский. Григорий Цамблак. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб., 1904, стр. 208, 209, 469.

³⁴ См. об этом: R. Eisler. Die messianische Unabhängigkeitsbewegung. . . , XLVI, стр. 197 и сл., 198 прим. 1; Н. А. Мещерский. История Иудейской войны. . . , стр. 19 и прим. 25, с библиографическими указаниями, а также указание «где находится список сейчас, неизвестно».

³⁵ Сведения о нем см.: G. Radojčić. Srpske arhivske i rukopisne zbirke na Sv. Gori. — Izvestaj o njihovim proučavanju i snimanju u septembru i oktobru 1953 god. Arhivist, V, 2 (1955), 26.

³⁶ Архим. Леонид. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания гр. А. С. Уварова, I. М., 1893, стр. 8. — Ссылаясь на В. И. Ягича (Archiv f. slav. Philol., II, 1877, стр. 18), А. Berendts (Die Zeugnisse, стр. 17 и сл.) пишет: «... so

ному и категорическому выводу, что южнославянского, в частности древнеболгарского, перевода «Истории Иудейской войны» никогда не существовало.³⁷ Однако, не изучив самым внимательным образом, с одной стороны, всю древнюю южнославянскую литературу³⁸ и, с другой, все рукописи южнославянских и других хранилищ, едва ли можно высказывать столь крайнюю точку зрения на вопрос. Если учитывать более позднее время, то следовало бы вспомнить одно свидетельство в сочинении болгарского писателя XVI в. Так, софийский писатель Матвей Грамматик, живший в XVI в., написал житие убитого турками в 1555 г. софийского мученика Николая Софийского.³⁹ Между прочим, он пишет: «темже и по б[о]же-ствънному гневу Мародахом царем ассирийским въсхъщъетсе, и в Ниневе град пленник съведн быс. О немже написа Иосип глаголе, яко ет быс Манасна царь от цара асирийского и медни съузъ наложь на пленника заведе й, и разумев о съгрешени дост[о]ино приемша м[у]ч[е]ние, бе бо свезан в тъмници, даваху ему от покрут хлеба мало и воду мало с отцом в меру, да тъкмо жив будеть. Утескняем же zelo и оскръбляем, възыска лице господа бога и помолисе покаанием глаголе: господи въседръжителю, боже отц наших Авраамов, Исаков, Яковл и прочаа. И услыша господь бог глаго е и отреша его съуз, възратив его в Иерусалим в царство его. И в един временни час прощению спод[о]бисе и в божие съставляете други».⁴⁰ Нужно сразу же сказать, что о тех же событиях древней истории иудеев рассказывается в библейской книге Паралипомен, XXXIII, 1—25. Здесь стоит припомнить библейский рассказ, по крайней мере для сравнения с рассказом болгарского писателя, а именно то, что написано в Паралипомене, XXXIII, 10—13: «И глагола господь к Манассии и к людем его и не послушаша. И наведе господь на них начальники воев царя ассирийска, и яша Манассию во узах и связаша его оковы ножными и отвелоша в Вавилон. И егда озлоблен бысть, възыска лице господа бога своего, и смирися zelo пред лицем бога отец своих, и помолися к нему, и послуша его, и услыша вопль его, и возврати его в Иерусалим на царство его. И позна Манассиа, яко господь той есть бог». Несомненно, что даже при поверхностном сопоставлении текстов, мы имеем два различных рассказа об одном и том же событии, и не библейский рассказ цитирован в сочинении Матвея Грамматика, а иной источник. Использованный источник определенно указан писателем: это Иосиф «написа Иосип глаголе», — заявляет сам Матвей Грамматик. Очевидно, что речь здесь идет о нашем Иосифе Флавии. Действительно, подобный рассказ у него есть, однако не в «Истории Иудейской войны», а в другом сочинении — «Иудейские древ-

kann auch der russische Josephus doch noch Umformung eines südslavischen entstanden sein».

³⁷ Ср.: R. Eisler. Die messianische Unabhängigkeitsbewegung..., стр. 231—232: «...die Angaben... machen es... überaus wahrscheinlich, daß es einen südslavischen Josephus nie gegeben hat».

³⁸ Ср.: Al. Berendts—K. Grass. Flavius Josephus, 34—36: «Sonstige Spuren des slavischen Josephus in der altkirchlichen Litteratur», где ничего особенного не сказано. Мне недоступна работа А. Берендса [Al. Berendts. Spuren des slavischen Josephus in der altkirchlichen Litteratur.—Mitteilungen u. Nachrichten f. die evangel. Kirche in Russland. Bd. LXIV. Theol.-postor., Beiheft 5—6 (1911), стр. 127—170].

³⁹ П. А. Сырку. Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV—XVII веках. Житие св. Николая Нового Софийского по единственной рукописи XVI в. СПб., 1901; к этому см. еще: Ив. Снегаров. 1) Поглед към изворите за св. Никола (Софийски).—Годишник на Соф. унив., бог. фак., IX (1931—1932), стр. 1—74; 2) Пропуски и грешки в издадени книжовни паметници за св. Никола Софийски.—Там же, XI (1933—1934), стр. 1—26.

⁴⁰ П. А. Сырку. Очерки..., стр. 77.

ности». ⁴¹ Сразу же следует оговориться: цитата у Матвея Грамматика не совпадает полностью с греческим текстом. В болгарском переводе есть некоторые добавления, отсутствующие в греческом тексте. Ясно также, что Матвей Грамматик едва ли сам черпал сведения и цитаты из греческого текста Иосифа Флавия. Наиболее вероятным кажется то, что он использовал какой-то южнославянский перевод, являвшийся в известных местах парафразой первичному тексту Иосифа Флавия. Нам же остался существенный факт, что писания еврейского автора были известны одному южнославянскому писателю XVI в. Необходимо, следовательно, отбросить, как необоснованное, утверждение, ⁴² будто Иосиф Флавий вообще не был известен южнославянским писателям. При этом надо отметить, что речь идет не об «Истории Иудейской войны», которая могла быть использована и в ее русском переводе, а об «Иудейских древностях», насколько известно, не переведенных на древнерусский язык. В научной литературе, впрочем, давно указано на то, что Матвей Грамматик знал Иосифа Флавия. ⁴³ Необходимо, однако, сейчас это признание подчеркнуть и сделать из него соответствующие выводы. Следует добавить и еще одно, хотя и недостаточно ясное сообщение. Переписчик и компилятор так называемого Паралипомена Зонарина, а именно хилендарский монах Григорий, писавший во времена сербского деспота Стефана Лазаревича (1389—1427), в 1408 г. заявил, что выполнял и исправлял тексты, между прочим, по славянскому переводу, книг Писания: пять Моисеевых книг, Иисуса Навина, Книгу судей, четыре книги Царств и две книги Паралипомена, а вместе с этим «две исторические сродне». ⁴⁴ Благодаря этому он довел изложение до пленения Израиля Навуходносором. Когда-то П. А. Сырку истолковал последнее указание в том смысле, что речь здесь идет об использовании сочинений Иосифа Флавия, ⁴⁵ в то время как М. Вайнгарт заявил, что это относится к использованию так называемых Книг летописи в библейском тексте. ⁴⁶ Для окончательного решения вопроса была бы необходима еще одна дополнительная проверка перевода Паралипомена Зонары. Короче говоря, как мне кажется, вопрос о том, имели ли славяне какой-нибудь перевод Иосифа Флавия, в настоящее время следует считать открытым. ⁴⁷

⁴¹ Flavius Josephus, Opera. I. Recogn. G. Dindorfius (Parisus, 1865), стр. 371, 27—38: Antiquit. iudaic. X, cap. 3, 2: *ὡς γὰρ τοῖς αὐτοῖς ἐπεμείον, πολέμιον ἐπ' αὐτοὺς ἐκίμει παρὰ τὴν τῶν Βαβυλωνίων καὶ Χαλδαίων βασιλείας, ὡς στρατία, πεμφθῆς εἰς τὴν Ἰουδαίαν, τὴν τε γῶραν ἐλεγήλατρε καὶ τὸν βασιλεῖα Μανασσῆν, δόλω ληφθέντα καὶ πρὸς αὐτὸν ἄχθοντα, πρὸς τὴν ἐβούλετο τιμωρίαν εἶγεν υποχείριον. Ὁ δὲ Μανασσῆς τότε συνείς ἐν οἰοῖς κακοῖς ἔσται, καὶ πᾶσι αἴτιον εαυτὸν ἰομίζων, εἶδειτο τοῦ Θεοῦ παρασχεῖν αὐτῷ φιλάνθρωπον καὶ ἐλεημονὰ τὸν πολέμιον, γαίεσται δὲ τοῦτο τῆς ἰκεσίας ἐπινοῦσας ὁ Θεὸς αὐτῷ καὶ πάλιν εἰς τὴν οἴκην αὐτοῦ ἀπολυθεὶς ὑπο τοῦ τῶν Βαβυλωνίων βασιλεῖας ἀναστῆναι. . .*

⁴² Weingart Byzantské kroniky v literatuře cirkevňoslovanské, I. Bratislava 1922, стр. 30 ср. стр. 237, 238

⁴³ П. А. Сырку Очерки. . . , стр. CCLXVIII

⁴⁴ Weingart. Byzantské kroniky. . . , стр. 125 сл.

⁴⁵ П. А. Сырку Очерки. . . , стр. XCIV.

⁴⁶ Weingart Byzantské kroniky. . . , стр. 130

⁴⁷ Заслуживает упоминания написанное В. И. Ягичем (Archiv f. slav. Philol., II 1877, стр. 18): «Im 16 Jhdht wurde nachweislich nach dem russ. Text eine serbische Redaktion des Textes ausgeführt (1585), was jedoch nicht ausschliesst, daß schon in früheren Jahrhunderten eine sudslavische Übersetzung vorhanden gewesen. Vieles möchte ja den serbischen und bulgarischen monchischen Schriftstellern des 16 Jhdts gänzlich unbekannt sein, was schon vor Jahrhunderten bei ihnen übersetzt worden war und nur durch russische Abschriften späterer Zeiten bis auf heutigen Tag sich erhalten hat oder auch in den Originalen selbst sehr früh nach Russland ausgewandert war und noch heute nur dort zu finden ist.» Р. Эйслер (R. Eisler Die messianische Unabhängigkeitsbewegung. . . , I стр. 151, 404) указывает на использование сочинений Иосифа Флавия охридским архиепископом конца XI—начала XII в. Теофилактом, однако это не имеет никакой

Первоначально сформулированное А. Берендсом, а затем основательно расширенное и разработанное Р. Эйслером положение о происхождении древнерусского перевода «Истории Иудейской войны», заключающееся в том, что этот перевод был выполнен не с общеизвестного ныне греческого текста сочинения, а по греческому переводу составленного на арамейском языке прототекста, встречает много возражений. Обстоятельное исследование Н. А. Мещерского⁴⁸ убедительно доказывает, что древнерусский переводчик использовал именно известный греческий текст «Истории Иудейской войны». В поддержку этого правильного в своей основе утверждения Н. А. Мещерского можно было бы привести высказанные уже довольно давно мнения некоторых критиков теории Р. Эйслера, работы которых остались ему, кажется, недоступными. Прежде всего заслуживает упоминания обстоятельная критика такого хорошего знатока вопроса, как Р. Лакёр,⁴⁹ который отбрасывает теорию Эйслера, заявив, что окончательное решение этого спора может быть дано лишь путем полного сопоставления древнерусского перевода с греческого не только «Истории Иудейской войны», но и других сочинений Иосифа Флавия. Близкого мнения придерживается и Е. Биккерман,⁵⁰ который указывает, что изменения и добавления в древнерусском переводе или вставлены в византийскую эпоху каким-нибудь византийским интерполятором, или же принадлежат славянскому переводчику. В поддержку такого понимания высказывается и итальянский исследователь Винченцо Усани в нескольких своих статьях.⁵¹ Исходя из некоторых утверждений Р. Лакёра и из немецкого перевода Берендса—Граса, Усани продолжает сравнение греческого текста и славянского перевода,⁵² анализирует некоторые места и показывает, что между двумя текстами разница «несуществующая и кажущаяся». Несомненно, следовательно, при рассмотрении вопроса об отношении между древнерусским переводом и известным греческим текстом «Истории Иудейской войны» надобно принимать во внимание и критические замечания упомянутых ученых, уже давно подготовивших почву для опровержения или по крайней мере для ограничения теории Р. Эйслера.

связи с литературной жизнью южных славян, так как речь идет о византийском писателе.

⁴⁸ См. специально: Н. А. Мещерский. История Иудейской войны..., стр. 69 и сл., 75 и др.

⁴⁹ R. Laqueur, *Historische Zeitschrift*, 148 (1933), стр. 326—338.

⁵⁰ E. Bickermann. Sur la version vieux-russe de Flavius-Josèphe. — *Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves*, IV (1936), стр. 53—84; ср. F. Dölger, *Byzantische Zeitschrift*, XXXVII (1937), стр. 496.

⁵¹ См. специально: V. Ussani. 1) Giuseppe Greco, Giuseppe Slavo e Gorionide. — *Rendiconti della R. Accademia Romana di archeologia*, X, (1934), стр. 165—175; 2) L'Egesippo e il Giuseppe Slavo. — Там же, VIII (1933), стр. 227 и сл.; 3) I miei studi su Flavio Giuseppe e alcuni osservazioni su Gesù nel Giuseppe Slavo. — *Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves*, IV (1936), стр. 455—462; ср.: *Byzantinoslavica*, VII (1937—1938), стр. 370; см. последние работы: H. E. Del Medico. Les Esséniens dans l'oeuvre de Flavius Josephè. — *Byzantinoslavica*, XIII, 1 (1952), стр. 1—45; XIII, 2 (1952—1953), стр. 189—226.

⁵² При работе над статьей 1934 г. проф. В. Усани пригласил меня в Рим в 1933 г. проверить некоторые использованные им славянские тексты.